

СТАТЬИ

ПОСЛЕВОЕННЫЙ КРИЗИС В ГЕРМАНИИ И СОБЫТИЯ 1923 года *

Вальтер Ульбрихт

Последствия первой мировой войны катастрофически отразились на экономическом положении Германии. В течение войны Германия израсходовала около 150 миллиардов марок, причем большая часть этих денег была получена путем военных займов, то есть составляла государственный долг. Правда, военные займы обещали хорошие проценты, но неминуемо вели к финансовому банкротству. Большая часть этих сумм буквально пошла прахом. Масса бумажных денег в обращении непрерывно возрастала. После Версальского мира к этому прибавилось бремя репарационных платежей. Оккупация Рура и борьба в Руре окончательно расшатали германские финансы. Непокрытый дефицит в государственном бюджете вел к полному обесценению марки. Сотни триллионов бумажных марок были пушены в обращение. Один доллар, например, в январе 1923 года стоил 17 972 марки; в августе курс доллара составлял уже свыше 4,5 миллиона марок.

Уклонение буржуазии от уплаты налогов и банкротство всей налоговой системы еще более увеличивали финансовый хаос. Буржуазия переложила все тяготы войны и Версальского договора на трудовой народ, предпринимая все меры, чтобы спасти свои барыши. С 1919 по 1923 год заправили банков и концернов перевели за границу свыше 15 миллиардов марок в золотой валюте; одновременно они стали переходить к исчислению своих поставок в долларах. Их примеру последовали розничные торговцы. Цены быстро росли, уровень реальной заработной платы рабочих упал ниже прожиточного минимума. По сравнению с довоенным временем цены в 1920 году выросли в 10 раз. Реальная заработная плата в Германии в 1921 году была самой низкой в Европе. Чтобы купить один центнер картофеля, рабочий должен был отработать 48 часов. Шестинедельного заработка еле хватало на приобретение одной пары рабочей обуви.

Посредством жестокой эксплуатации немецких рабочих германский империализм смог сохранить свои экспортные возможности в период послевоенного кризиса. Он продавал ниже мировых рыночных цен, нисколько не лишаясь при этом своих максимальных прибылей.

Из-за алчности Стиннеса, Тиссена и других промышленных магнатов были обречены на обнищание также ремесленники и средние слои. Аналогичное положение создалось и в сельском хозяйстве. Юнкеры получали дотации и кредиты, а мелкие производители вынуждены были платить бешеные цены за удобрения, семена и орудия производства.

Нужда трудового народа возрастала с каждым днем. Горстка капиталистов, наоборот, загребала колоссальные прибыли. Таковы были последствия Версальского договора, на долгие годы принесшего трудя-

* Статья опубликована в органе Центрального Комитета Социалистической единой партии Германии журнале «Einheit» (№№ 4 и 5 за 1953 г.). Текст сверен по книге Walter Ulbricht. Zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung. Aus Reden und Aufsätzen. Bd. 1. 1918—1933. Berlin. 1953. Статья публикуется с некоторыми сокращениями. — *Ред.*

щимся Германии национальное порабощение, двойной гнет и эксплуатацию. В. И. Ленин, оценивая Версальский договор, с полным основанием заявил, что договор поработил миллионы людей и ставит германский народ «в условия неслыханного, невиданного рабства»¹. Этого кризиса и нищеты можно было избежать, если бы демократические силы Германии под руководством рабочего класса уничтожили власть военных преступников, отвергли вильсоновские «условия мира», продиктованные американским империализмом, и в тесном сотрудничестве с Советской державой пошли по пути мира и демократии. Советское правительство было единственным правительством, которое выступило против Версальского договора.

Германский монополистический капитал стремился сохранить после Версальского мира свой военно-экономический потенциал, укрепить при помощи американских кредитов свою мощь, провести рационализацию производства и переложить все послевоенные тяготы на плечи трудового народа. Коалиционные германские правительства веймарского периода были готовы превратить Германию в ударный кулак против Советской России, чтобы получить поддержку от США в восстановлении мощи германского империализма. Германское правительство обратилось к державам Антанты с просьбой отсрочить репарационные платежи и разрешить вопрос о них путем предоставления ей иностранного займа. Тогдашний германский рейхсканцлер Вирт старался получить этот заем на приемлемых условиях. Но эта попытка не удалась.

Часть германской буржуазии пыталась найти выход из создавшегося положения посредством установления нормальных отношений с Советской Россией. 16 апреля 1922 года по предложению советской делегации на Генуэзской конференции был подписан в Рапалло договор между Советским правительством и германским правительством, возглавлявшимся доктором Виртом. Со времени германской ноябрьской революции 1918 года Советское правительство неоднократно предлагало Германии сотрудничество, но социал-демократические правительства отвергали это сотрудничество. Заключением Рапалльского договора доктор Вирт выполнил желание большинства германского народа наладить мирные и дружественные взаимоотношения с Советской Россией.

Рапалльский договор отвечал национальным интересам германского народа. Этим договором Советская Россия, одна из великих держав, впервые после окончания первой мировой войны признавала Германию равноправным партнером. При помощи Советского правительства была устранена внешнеполитическая изоляция Германии, и рейхсканцлер Вирт имел все основания заявить, что заключение Рапалльского договора означает начало поворота во внешней политике Германии. Вместе с тем это свидетельствовало о том, что часть германской буржуазии (в особенности представители обрабатывающей промышленности) во главе с Вальтером Ратенау из концерна АЭГ хотела восстановления экономических отношений с Россией.

Однако правительство Вирта оказалось не в силах провести свою внешнюю политику наперекор магнатам тяжелой промышленности и крупным аграриям. Эти подлинные властители тогдашней Германии ориентировались на сотрудничество с американским финансовым капиталом. Представители тяжелой индустрии выступали против политики соглашения с Советским Союзом. Ратенау был убит, а правительство Вирта свергнуто. Одновременно обострялись трения между Германией и Францией. В обострении этих отношений была особенно заинтересована Англия. Она надеялась таким путем ослабить Францию и добиться преобладания в Европе.

Германская социал-демократия поддерживала политику господствующих кругов буржуазии. Центральное правление СПГ выступало против

¹ В. И. Ленин. Соч. Т. 31, стр. 282.

Рапалльского договора с Советской Россией и поддерживало внешнеполитическую ориентацию на США и Англию. В 1921 году социал-демократическая фракция голосовала в рейхстаге за увеличение налогов, взимаемых с трудящихся, и сокращение налогов, уплачиваемых монополиями. Как далеко зашли социал-демократы в своей поддержке политики Стиннеса, показывает «благодарность от фирмы Стиннеса», опубликованная в органе германской народной партии «Die Zeit». Газета торжественно отмечала, что большинство социал-демократов «удалось склонить к голосованию за значительные косвенные налоги и тем самым к отказу от существенного, свыше пятидесяти лет фигурировавшего во всех социалистических программах пункта», и расценила этот шаг как «безоговорочный отказ от марксизма»².

Реформистские профсоюзные лидеры всемерно поддерживали капиталистов, маскируя свое предательство утверждением, что восстановление капиталистического хозяйства является предпосылкой победы социализма. В 1922 г. социал-демократ Зеверинг, тогда прусский министр внутренних дел, использовал все имевшиеся в его распоряжении средства для подавления забастовки железнодорожников. Он запретил железнодорожным служащим участвовать в забастовке и пригрозил: «Кто выразит сочувствие забастовщикам, будет уволен».

Американские финансовые магнаты стремились обеспечить выгодные условия для своих капиталовложений в Германии. Они хотели сообща с германскими монополистами поработать и эксплуатировать рабочих. Вмешательство США в германские дела проявилось уже в четырнадцати пунктах Вильсона. Эти ультимативные требования показали, что империализм США начал втягивать Германию в сферу своих интересов, стремясь превратить ее в ударную силу международного империализма.

В январе 1923 г. резко обострился рурский вопрос. Стиннес и другие магнаты германского капитала саботировали политику выполнения версальских условий, проводившуюся правительством Вирта. Правительство Куно сократило репарационные поставки Франции. Ремонтная комиссия признала, что Германия умышленно задерживает поставку угля и леса. Стиннес заявил, что он готов предоставить правительству золото для уплаты репараций только при условии, если государство в виде компенсации передаст ему государственные предприятия (коммунальное хозяйство и железные дороги). Так германские монополисты использовали свою экономическую силу, чтобы все шире включать в свои концерны государственные предприятия.

Стиннес вел тогда переговоры с французскими капиталистами о создании смешанного германо-французского синдиката угля и стали. Однако попытка создать такой синдикат не удалась вследствие того, что обе стороны добивались господства в синдикате. Представитель французского стального треста Лушер претендовал на 60% акций. Это было неприемлемо для владельцев германских концернов. Последние добивались не менее 50% акций. Пропагандистская машина германских стальных магнатов развернула широкую реваншистскую пропаганду, направленную против Франции и получавшую особенно сочувственный отклик в массах мелкой буржуазии.

11 января 1923 г. французские и бельгийские войска оккупировали Рейнскую и Рурскую области. Советское государство было единственным государством в мире, которое решительно осудило оккупацию Рурской области французскими империалистами. Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов в воззвании «К народам всего мира» за подписью М. И. Калинина от 13 января 1923 года заявил: «В эти решающие дни

² «Die Zeit», 28 января 1922 года.

рабоче-крестьянская Россия снова подымает голос негодующего протеста против безумной политики империалистической Франции и ее союзниц. Снова и с особой энергией она протестует против подавления права германского народа на самоопределение. Снова и с особой энергией предостерегает она народы мира от нависшей над Европой угрозы кровопролитий»³.

Оккупация Рура обострила тяжелый экономический кризис в Германии. 88% всей ее добычи угля, более 40% продукции железа и 70% чугуна были для нее потеряны. Этим было сильно подорвано все промышленное производство Германии. Росла безработица. Курс марки стремительно падал.

Тогдашнее правительство Куно состояло из представителей «народной» партии, «демократической» партии и партии центра. «Народная» партия, в которой задавал тон Гуго Стиннес, являлась партией тяжелой промышленности и крупного финансового капитала, партией реакции. Она всячески укрепляла такую монархическую опору, как рейхсвер и корпус добровольцев. «Демократическая» партия представляла интересы торговли и легкой промышленности, а также мелких предпринимателей. Руководящие посты в партии занимали представители банковского капитала, проводившие под личиной «либерализма» явно реакционную линию. Центр был партией тяжелой промышленности и крупного землевладения. В руководстве этой партии играли решающую роль Тиссен и Опперсдорф; они выступали за создание «Рейнской республики», то есть поддерживали сепаратистов, и пытались с помощью демаргои привлечь на свою сторону рабочих-католиков. Сам рейхсканцлер Куно был генерал-директором «Нараг»⁴ и ориентировался на сотрудничество с американским финансовым капиталом. Таким образом, правительство Куно было тесно связано с крупнейшими концернами Германии.

В связи с оккупацией Рурской области французскими войсками германская буржуазия подняла большой шум, выдвинув лозунг «Отечество в опасности!». На самом же деле она беспокоилась только о своих прибылях. Германская буржуазия пыталась выиграть битву с французским империализмом с помощью так называемого «пассивного сопротивления». Но, призывая рабочих к сопротивлению, она одновременно вела переговоры с французскими сталепромышленниками. Стиннес вел эти переговоры уже с осени 1922 года. Он основал «Акционерное общество по возведению надземных и подземных сооружений», занимавшееся восстановлением разрушенных районов Франции и получавшее от государства валюту, в том числе и 6% комиссионных. Один из реакционнейших представителей западногерманских плутократов, державших курс на сотрудничество с французскими монополиями, — Рехлинг — в 1921 г. совместно с владельцами французских сталелитейных заводов в Лонгви основал акционерное общество с местопребыванием правления в Париже.

Политика правительства Куно способствовала бесстыдной эксплуатации рабочих, разрухе и голоду и вместе с тем обеспечивала огромные прибыли для германских и американских монополистов. Банки и концерны беспрепятственно обогащались. Монополисты вывозили в значительных размерах капитал, что еще больше ускоряло обесценение марки. Как внутри страны, так и за границей они вкладывали свои капиталы в реальные ценности (рудники, фабрики и т. п.). Помещики освобождались от долгов, расплачиваясь за них обесцененной бумажной маркой.

Вся буржуазия нажилась на оккупации Рурской области. Государство отпускало рурским предприятиям кредит и дотации и полностью компенсировало все «убытки», причиненные оккупацией. Капиталисты, чьи предприятия работали «на склад», получили из государственной казны займы

³ «Известия», 14 января 1923 года.

⁴ Гамбургско-Американская линия — крупнейшая в Германии судоходная монополия — *Ред.*

на сумму в несколько миллиардов марок, а расплачивались они за эти кредиты той же маркой, которая тем временем упала в цене до четверти своей стоимости, то есть почти целиком обесценилась. Источником обогащения буржуазии явилась и попытка стабилизации марки, предпринятая в феврале 1923 года. Буржуазия воспользовалась этой «стабилизацией», чтобы обменять свои деньги на устойчивую иностранную валюту, например, на американские доллары. Чем быстрее обесценивалась марка, чем быстрее падала реальная заработная плата рабочих, тем больше была прибыль буржуазии, тем легче было ей разделяться с долгами и устраивать спекулятивные операции. Эрнст Тельман справедливо писал: «Для процент-патриотов рурской войны дело шло не об интересах нации, не о судьбе отечества, — дело шло о прибылях в звонкой монете, о наибольшей доле участия, о максимальном проценте прибыли от эксплуатации рейнского и рурского пролетариата. Дело шло о гешефте, о барышах»⁵.

Стиннес, бывший до войны членом наблюдательных советов в решающих отраслях промышленности, после войны создал собственный концерн, который поглотил Гельзенкирхенское горнорудное акционерное общество, концерн Кирдорфа и «Рейнско-Эльбский союз». Объединившись с электроконцерном Симменс-Шуккерта, Стиннес создал концерн Монтана. В Северной Германии он захватил в свои руки пароходные компании. В Восточной Германии Стиннес сосредоточил в своих руках экспорт угля, а также торговлю углем, машинами и удобрением. Чтобы укрепить свое политическое влияние, он приобрел несколько крупных газет: «Rheinisch Westfälische Zeitung», «Deutsche Allgemeine Zeitung» и другие. В период инфляции группа Стиннеса захватила 1 664 предприятия, в которые входили 2 890 заводов, расположенных в Германии и за границей. Так же действовали и все другие концерны: Тиссена, Круппа, Клекнера и т. д.

Подлинным же инициатором оккупации Рура была американская финансовая олигархия, борющаяся за господство в Европе. Французскую буржуазию поддерживала группа Моргана, а рокфеллеровская группа была крайне заинтересована в том, чтобы вложить свои капиталы в германскую промышленность.

Во время оккупации Рура буржуазия предпринимала все меры, чтобы мобилизовать сепаратистские и фашистские силы. Под предлогом «защиты отечества от Пуанкаре» правительство разрешило деятельность «Стального шлема», «Младогерманского ордена» и других террористических банд и финансировало их из государственных средств. Военное министерство выработало под руководством Секта план, в котором было предусмотрено привлечение рейхсвера для борьбы за интересы возрождавшегося германского империализма.

Борьбу трудящихся масс против французских оккупантов и реакционного правительства Куно возглавила Коммунистическая партия Германии; это вызвало быстрый рост симпатий к партии. Партия считала, что назревает революционная ситуация, что массы готовы бороться за национальное и социальное освобождение страны. С первых дней вступления французских войск в Рурскую область КПГ, поддерживаемая братскими коммунистическими партиями Советского Союза и Франции, боролась против империалистических оккупантов. Уже 7 января 1923 г. КПГ протестовала против империалистической политики насилия. В крупных городах были организованы митинги и демонстрации протеста против оккупации Рура, против Версальского договора, на которых выступали представители коммунистических партий Германии и Франции, призывая массы к решительному отпору оккупантам.

11 января 1923 г. Центральный Комитет КПГ обратился с воззванием к немецкому народу, а также к руководящим органам Германской социал-

⁵ «Die Rote Fahne», 11 января 1933 года.

демократической партии, Всегерманского объединения профсоюзов, Всеобщего объединения свободных союзов служащих и Германского союза государственных чиновников. В этом воззвании разъяснялось, что вину за единственное положение рабочего класса несет правительство Куно и что единственным выходом является организация единого фронта немецкого народа против оккупации Рура и против политики правительства Куно. Правое руководство СПГ и профсоюзов отклонило предложение о совместной борьбе. Но широкие массы трудящихся откликнулись на призывы коммунистической партии. 22 января партия выдвинула лозунг: «Нанесем удар Куно и Пуанкаре и в Руре и на Шпрее!» В воззвании разоблачались махинации французских и германских капиталистов и их правительств и указывался путь к освобождению трудящихся.

По всей Германии начались демонстрации и массовые стачки. Активисты КПГ возглавляли это движение. Особенно решительно выступали рабочие Рурского бассейна. Они требовали повышения заработной платы в соответствии с золотым стандартом, отставки правительства Куно, как «правительства национального предательства», и удаления оккупантов. Эти требования стали боевым кличем рабочего класса всей Германии.

Когда борьба рурских рабочих приняла особенно широкий размах, бургомистр Дюссельдорфа д-р Лютербек обратился к главнокомандующему французскими оккупационными войсками генералу де Гутту с просьбой разрешить ввод германских войск в Рур для подавления рабочих выступлений. В своем заявлении на имя де Гутта д-р Лютербек писал: «Должен Вам напомнить, что во время Парижской Коммуны германское верховное командование во всех отношениях шло навстречу французскому командованию, чтобы совместно подавить восстание. Прошу Вас оказать нам такую же поддержку, если Вы не хотите возникновения опасной ситуации в будущем». Французские оккупанты дали разрешение на посылку полиции и рейхсвера в Рурскую область. Но революционное движение нарастало. В это движение все шире втягивалась мелкая буржуазия города и деревни, которой угрожало разорение вследствие инфляции.

Главным препятствием на пути развертывания борьбы за национальное и социальное освобождение было социал-демократическое руководство. Это руководство продолжало свою старую политику классового мира с монополистическим капиталом и делало все для того, чтобы удержать рабочий класс от выступлений против предпринятой Пуанкаре оккупации Рура и антинародной политики правительства Куно. Маскируясь лозунгом «защиты отечества», социал-демократическое руководство пропагандировало «единый фронт» с промышленными магнатами, поддерживало политику главарей германской военщины Гинденбурга и Секта и поощряло все реакционные и сепаратистские устремления монополий.

В этой обстановке острого национального и социального кризиса состоялся VIII съезд Коммунистической партии Германии, насчитывавшей в то время 225 тыс. членов. Съезд собрался в Лейпциге и продолжался с 28 января по 1 февраля 1923 года. Перед съездом стояла задача правильно оценить глубину революционного кризиса и определить задачи борьбы против монополистического капитала, за свержение буржуазного правительства и создание революционного рабоче-крестьянского правительства. По поручению Центрального Комитета Клара Цеткин сделала на съезде доклад о международном положении. Она разоблачила преступную деятельность германских и иностранных финансовых хищников, показала, что буржуазия может быть разбита лишь с помощью единого пролетарского фронта, что единственный выход заключается в создании рабочего правительства. Съезд обратился к международному пролетариату и к рабочим и работницам Германии с манифестом, в котором доказывалось, что оккупация Рура была инсценирована германскими и французскими монополистами и что Германия все больше низводится до положения колонии империалистов Антанты. Манифест призывал немецкий

и французский пролетариат к совместной борьбе против Версальского договора и за вооружение рабочих, к борьбе против фашистских террористических организаций, к освобождению рабочего класса и всего трудового народа.

В центре внимания съезда стояли вопросы единого фронта и создания рабочего правительства. Тогдашние руководители КППГ — Брандлер, Тальгеймер и др. — занимали оппортунистическую позицию. С помощью троцкиста Радека они дезориентировали партию. Искажая политику единого фронта, они пропагандировали создание беспринципных блоков, а рабочее правительство хотели образовать путем соглашения с предателями из СПГ на условиях отказа от массовой борьбы. Брандлеровцы утверждали, будто буржуазно-демократическую республику можно постепенно, «мирным путем» превратить в государство рабочих и крестьян. Эта позиция брандлеровского руководства КППГ означала разрыв с марксистским учением о социалистической революции и диктатуре пролетариата.

Революционное крыло съезда, возглавляемое Эрнстом Тельманом, в которое входили Вильгельм Пик, Клара Цеткин, Вальтер Ульбрихт, Вальтер Штеккер и др., вело борьбу против антипартийной линии в вопросах единого фронта и рабочего правительства. Э. Тельман ясно видел весь вред этой линии. Он говорил: «Кто воображает, что рабочее правительство можно, пожалуй, защитить легальным путем, без борьбы пролетариата, тот убедится, что буржуазия при первой же возможности выгонит к черту этих занявших министерские кресла рабочих»⁶. Э. Тельман заявил, что вхождение в рабочее правительство должно явиться исходным пунктом, опираясь на который можно разгромить власть буржуазии; в рабочем правительстве должен заключаться зародыш пролетарской диктатуры⁷.

Хотя подавляющее большинство съезда было согласно с выступлением Тельмана, при обсуждении резолюции в редакционной комиссии был заключен компромисс с Брандлером и Тальгеймером. В резолюции съезда «Указания по вопросу о тактике единого фронта и рабочем правительстве» была брандлеровская формулировка, в которой говорилось, что рабочее правительство «является попыткой рабочего класса в рамках буржуазной демократии и первоначально средствами буржуазной демократии» вести рабочую политику.

Для ведения массовой революционной борьбы решающее значение имело завоевание массы членов профсоюзов. Вопреки тенденции некоторых коммунистов основать самостоятельные красные профсоюзы, партийный съезд постановил сосредоточить усилия на укреплении массовой работы в существующих профсоюзах. Партия исходила при этом из указания В. И. Ленина в его работе «Детская болезнь «левизны» в коммунизме», где Ленин писал: «Как раз нелепая «теория» неучастия коммунистов в реакционных профсоюзах показывает наиболее наглядно, как легкомысленно эти «левые» коммунисты относятся к вопросу о влиянии на «массы», как злоупотребляют они своими выкриками насчет «массы». Чтобы уметь помочь «массе» и завоевать симпатии, сочувствие, поддержку «массы», надо не бояться трудностей, не бояться придираков, подножек, оскорблений, преследований со стороны «вождей» (которые, будучи оппортунистами и социал-шовинистами, в большинстве случаев прямо или косвенно связаны с буржуазией и с полицией) и обязательно работать там, где есть масса»⁸.

Партийный съезд решительно осудил сектантские взгляды и заявил в своей резолюции: «Если члены профсоюзов оказываются способными и достаточно сильными для того, чтобы создать новые организации, то они тем более в состоянии навести порядок внутри существующих профсоюзов.

⁶ «Bericht über die Verhandlungen des 3(8) Parteitag der KPD», S. 358.

⁷ Там же.

⁸ В. И. Ленин. Соч. Т. 31, стр. 35.

Опираясь на мировой опыт рабочего движения, съезд партии призывает организованных рабочих: «Оставайтесь в своих профсоюзах! Добивайтесь того, чтобы махинациям реформистов был положен конец!»⁹.

Съезд не обсуждал такую важную проблему, как союз рабочего класса с крестьянством. В этом сказалось влияние социал-демократизма в германском рабочем движении. Партия не учла указаний В. И. Ленина и И. В. Сталина о союзе рабочих и крестьян. Так, Ленин в своем труде «Две тактики социал-демократии в демократической революции» писал, что «победоносным борцом за демократизм он (пролетариат.— *Ред.*) может оказаться лишь при том условии, если к его революционной борьбе присоединится масса крестьянства»¹⁰.

Брандлеровская группа не верила в революционные возможности трудящегося крестьянства, пренебрегала союзом с ним. Только в сентябрьские дни 1923 г. по инициативе представителя Центрального Комитета этот основной вопрос был правильно поставлен в воззвании тюрингенского окружного комитета КПГ. В воззвании, в частности, говорилось: «К рабочим, служащим, мелкому крестьянству и средним слоям! Существовавшее донныне социал-демократическое правительство обанкротилось на своей антирабочей политике. Коммунистическая партия снова требует создания правительства рабочих и мелких крестьян»¹¹. Далее излагались необходимые для этого меры, в том числе требование: «Немедленный созыв тюрингенского съезда фабрично-заводских комитетов с привлечением делегатов от мелкого крестьянства».

Лейпцигский съезд партии принял обращение, в котором отразились огромное доверие авангарда германского рабочего класса к Коммунистической партии Советской России. В этом обращении Коммунистическая партия Германии выражала благодарность советскому народу за то, что он решительно протестовал против военной оккупации Рура, и заклеила эту оккупацию как грубое попрание права народов на национальную независимость и самоопределение, как преступную угрозу миру.

Правительство Куно проводило политику наиболее реакционных сил германского монополистического капитала. Оно помогало укреплять господство владельцев концернов и осуществлять нажим на рабочий класс. Программа усиленной эксплуатации рабочего класса нашла свое выражение в следующих требованиях союзов предпринимателей: отмена восьмичасового рабочего дня, денационализация железных дорог и шахт (передача их частным акционерным компаниям), неограниченная спекуляция («свободные» цены) хлебом, жилищем, углем, железом и т. п. и освобождение капитала от налогов. 6 марта 1923 г. государственный советник Диц в связи с заседанием третейского суда заявил: «Правительство дало указания, чтобы в марте не допускать никакого повышения заработной платы».

Практически это означало дальнейшее обнищание рабочего класса. Стоимость предметов первой необходимости повысилась уже более чем на 40%, заработной платы не хватало даже на прожиточный минимум. Предприниматели заносили в «черные списки» тех рабочих, которые протестовали против нищенской заработной платы; они нигде не могли получить работу и обрекались на голодную смерть.

Во исполнение партийных решений КПГ пыталась создать единый фронт с социал-демократическими рабочими, членами профсоюзов и неорганизованными рабочими. Главными организационными формами единого фронта были контрольные комиссии по справедливому распреде-

⁹ «Bericht über die Verhandlungen des 3(8) Parteitages der KPD», S. 399.

¹⁰ В. И. Ленин. Соч. Т. 9, стр. 44.

¹¹ «Die Rote Fahne», 15 сентября 1923 года.

лению предметов первой необходимости, фабрично-заводские комитеты, комитеты безработных и пролетарские сотни.

Контрольные комиссии возникли в 1922 г. по инициативе первого общегерманского съезда фабрично-заводских комитетов. Деятельность контрольных комиссий затрагивала всех трудящихся, она касалась самых элементарных, неотложных интересов людей. Комиссии боролись за смягчение ужасающей нужды, тяготевшей над всеми трудящимися. Спекулянты неимоверно взвинчивали цены на черном рынке, торговля из-под полы приняла огромные размеры. В таких условиях контроль и самопомощь являлись жизненной необходимостью для трудящихся.

Контрольные комиссии создавались местными комитетами профсоюзов, фабзавкомы при деятельном участии активистов КПГ. В них входили также торговцы и ремесленники. Успешная деятельность этих комиссий способствовала мобилизации масс на борьбу с реакцией.

В январе 1923 г. комиссия в районе Берлин — Митте вскрыла большую аферу с утайкой налогов. Контрольная комиссия в Моабите энергично осуществляла контроль над распределением предметов первой необходимости. Особенно острой была для рабочих жилищная нужда. Тысячи семейств ютились скученно в каморках и подвалах. Контрольные комиссии оказывали им помощь. В Нейкельне комиссия устанавливала, где пустует жилая площадь, и в отдельных случаях ей удавалось добиться предоставления квартир рабочим. В Рейнско-Вестфальской области контрольные комиссии взяли на себя распределение более 5 млн. буханок хлеба, присланных советским народом борющимся рурским рабочим. В Эссене комиссия задержала целый пароход, груженный картофелем, который направлялся за границу, и заставила продать этот картофель трудящимся. В Крефельде комиссия заключила с торговцами условие, по которому они должны были продавать товары безработным на одну треть дешевле рыночных цен. Контрольные комиссии установили также надзор за правильностью цен и веса в лавках.

Буржуазия понимала, что деятельность комиссий, разоблачающих и затрудняющих ее грязные махинации, становится для нее опасной. Поэтому она развернула бешеную кампанию против комиссий и добилась их запрещения. Однако комиссии продолжали работать. Трудящиеся защищали членов комиссий от полицейских преследований и путем демонстраций добивались освобождения арестованных. Интенсивная работа комиссий в интересах широких масс укрепила доверие населения к Коммунистической партии Германии.

КПГ развернула большую работу в профсоюзах. Реформистские профсоюзные лидеры ориентировались на империалистическую Антанту, сообщая с руководителями социал-демократической партии вели травлю Советской России и стремились установить мир с предпринимателями. Но эта политика встречала все большее противодействие со стороны рабочих. На Лейпцигском съезде профсоюзов в 1922 г. оппозиция, состоявшая из коммунистов, независимцев и социал-демократов, добилась принятия постановления о том, что «Общегерманский совет профсоюзов должен выйти из центральных органов «классового сотрудничества»¹². Влияние коммунистической партии особенно росло в профсоюзах металлистов, строителей и деревообделочников. Большинство членов профсоюзов коммунальных и государственных служащих сочувствовало КПГ. В связи с этим реформистское руководство профсоюзов стало преследовать профсоюзных активистов — членов КПГ и исключать их из профсоюзов.

Социал-демократические и профсоюзные руководители пытались превратить фабзавкомы в пособников политики «классового сотрудничества». Но эти попытки провалились. Рабочие стали создавать местные и район-

¹² «Protokoll der Verhandlungen des elften Kongresses der Gewerkschaften Deutschlands». Verlagsgesellschaft des Allgemeinen Deutschen Gewerkschaftsbundes m. b. H. Berlin. 1922, S. 62.

ные комитеты революционных фабзавкомов. В октябре 1922 г. состоялся I Всегерманский съезд революционных фабзавкомов. Съезд потребовал принятия мер к устранению нищеты трудящихся и заявил, что этой цели нельзя добиться мирным путем. Съезд заявил о необходимости создания рабочего правительства и вооружения рабочего класса.

Еще в январе 1923 г. по предложению коммунистов на общегородском собрании революционных фабзавкомов в Берлине было принято требование о вооружении пролетариата и создании пролетарских боевых дружин («пролетарских сотен») для борьбы против фашистских банд и охраны завоеваний рабочего класса. Вскоре такие дружины стали создаваться. Они возникали прежде всего на крупных предприятиях и имели большое значение для подготовки вооруженной борьбы против фашизма.

Фашизм представлял огромную опасность для трудящихся Германии и всех других стран, для Советского Союза. Германский рабочий класс должен был преградить ему дорогу. Перед рабочим классом стояла, как сказал Э. Тельман на VIII съезде партии, задача «охранять подступы к твердыне — Советской России».

В ответ на бесчинства фашистских налетчиков 15 февраля 1923 г. в Хагене (Вестфалия) была проведена однодневная всеобщая забастовка протеста против террора и за вооружение боевых дружин. Профсоюзное объединение в Ремшейде 15 февраля единогласно постановило создать боевые дружины для борьбы с фашистами. Собрание фабзавкомов Золингена призывало германский пролетариат создавать боевые дружины и контрольные комиссии. Того же потребовало собрание рабочих заводов Круппа.

Общегерманский комитет фабзавкомов в апреле 1923 г. обратился с воззванием к рабочим, в котором писал: «Что нужно делать? Нужно на заводских, профсоюзных и публичных собраниях и митингах активно разъяснять опасность; разъяснять ее средним слоям, служащим, мелкой буржуазии и мелким крестьянам; проводить активную классовую политику во всех злободневных вопросах; не полагаться на мероприятия властей; неустанно работать над созданием боепособного единого фронта рабочих, служащих, чиновников, домашних хозяек; организовать отпор со стороны всего пролетариата. На предприятиях нужно создавать пролетарские боевые дружины, в которые включать также молодежь и безработных. Никаких отдельных оборонных дружин из безработных или молодежи! Опасность грозит всему трудовому народу. Он должен выступить как сплоченная сила. Никакого распыления боевых сил, никаких партийных боевых дружин, ибо они ведут только к взаимному ослаблению рабочих!»¹³.

По вопросу об организации боевых дружин в воззвании говорилось: «Организации обороны создаются совместно. Основой этих организаций является предприятие. Фабрично-заводские организации объединяются территориально. Для политического руководства пролетарской самооборонной центральной, областные и районные комитеты Германской социал-демократической партии и соответствующие комитеты КПГ создают комиссии на паритетных началах»¹⁴.

Об успешной борьбе пролетарских боевых дружин газета «Die Rote Fahne» сообщала: «В Рурской области фашисты начали большую облаву против коммунистов. В Ванне, близ Дортмунда, пролетарские боевые дружины оказали решительное сопротивление этим проискам, точно так же в Гельзенкирхене и Бохуме. Повсюду, где буржуазия устраивала провокации, пролетарские боевые дружины сплоченными силами давали отпор»¹⁵.

¹³ «Agitationschrift des Reichsausschusses der deutschen Betriebsräte». April. 1923.

¹⁴ Там же.

¹⁵ «Die Rote Fahne», 16 марта 1923 года.

Празднование 1 Мая 1923 г. прошло под знаком создания единого рабочего фронта. В Берлине состоялась первая демонстрация пролетарских дружин. Около 25 тыс. участников этих дружин с красными нарукавными повязками прошли строем в первых рядах первомайской демонстрации.

На рост революционного рабочего движения буржуазия ответила репрессиями. Свыше 500 металлистов — участников I Общегерманского съезда фабзавкомов — были исключены из своего профсоюза. Прусский министр внутренних дел социал-демократ Зеверинг запретил революционные фабзавкомы и боевые дружины. Но этот запрет остался на бумаге. Рабочие еще решительнее и организованнее продолжали бороться за свои рабочие интересы.

Выполняя лозунг III Всемирного Конгресса Коммунистического Интернационала «Ближе к массам!» и осуществляя тактику единого фронта, КПГ все больше завоевывала на свою сторону широкие массы трудящихся. Лозунг партии «Нанесем удар Куно и Пуанкаре и в Руре и на Шпрее!» стал боевым кличем революционных рабочих и принес свои плоды. Коммунистическая партия стала массовой партией.

Демонстрации протеста и частичные забастовки, организованные партией и революционными фабзавкома, поднимали на борьбу весь германский рабочий класс. 9 марта в Верхней Силезии 40 тыс. забастовавших горняков потребовали запрета фашистских банд и восстановления запрещенных революционных фабзавкомов. Из-за предательства правых социал-демократов, руководивших профсоюзами, забастовка в Верхней Силезии закончилась через две недели поражением. Несмотря на это, она укрепила и умножила силы рабочих. Волна стачек охватила всю Германию. 17 марта 1923 г. забастовали шахтеры Дортмунда, где население не имело угля, хотя кругом были горы угля. Немецкая дирекция шахт призвала на помощь французских оккупантов для защиты интересов угольных баронов, и на рабочих были наведены французские пулеметы.

31 марта французские и немецкие капиталисты спровоцировали кровавую бойню на заводах Круппа в Эссене. Французская военщина без предупреждения открыла огонь по народу. 18 апреля в Мюльгейме на Руре выступили с протестом безработные и рабочие, занятые на общественных работах. Они требовали единовременной прибавки на дороговизну, так как их семьи голодали из-за спекулятивного взвинчивания цен. Отряды сепаратистских хулиганов и шпиков, предводительствуемые чиновниками уголовного полиции в штатском, открыли яростную стрельбу по демонстрации безработных. 8 человек явились жертвами этого зверского обстрела.

5 мая 17 коммунистических депутатов прусского ландтага были удалены политическими из ландтага. В это же время фашисты убили в Швейцарии представителя Советской России на Лозаннской конференции В. В. Воровского.

Центральный Комитет КПГ призвал рабочих к демонстрациям протеста против фашистской опасности. Около 100 тыс. рабочих Берлина, более половины которых составляли социал-демократы, протестовали в Люстгартене против террора контрреволюции и агрессивных замыслов империалистов в отношении Советской России.

В течение всего мая в Германии происходили забастовки, демонстрации протеста и голодные волнения. В конце мая руководством КПГ была проведена забастовка рабочих горной и металлургической промышленности Рурской области, в которой участвовало 400 тыс. человек. В Гельзенкирхене, где находился стачечный комитет, фашисты спровоцировали уличные бои, принявшие ожесточенный характер. Бастующие горняки с помощью своих боевых дружин взяли приступом городскую ратушу. Рабочие стали хозяевами города. Французские оккупационные власти обратились к стачечному комитету с заявлением, что «не будут препятствовать

установлению советской системы на всех шахтах Рурской области, если Советы возьмут на себя обязательство разрабатывать угольные шахты Рура для французской администрации». Это предложение было, разумеется, отклонено.

Рурская забастовка достигла невиданных размеров и могла привести к серьезным последствиям. Однако этого не случилось. На бурном ночном заседании, продолжавшемся несколько часов, троцкистке Рут Фишер с помощью тогдашнего первого секретаря Рейнско-вестфальского окружного комитета удалось провести решение о прекращении забастовки. Главным аргументом Рут Фишер было утверждение, что в Германии всюду тихо, что Рур останется одиноким и истечет кровью. Насколько провокационным был этот довод, стало ясно месяц спустя, когда в Силезии забастовало более ста тысяч рабочих горной и металлургической промышленности. Потребовались огромные усилия, чтобы добиться прекращения стачки; рабочие были уверены в необходимости продолжать борьбу, чтобы завоевать власть. Они выражали недовольство окончанием стачки, хотя экономические требования, из-за которых вначале вспыхнула забастовка, были в основном удовлетворены.

Четыре недели с большим упорством боролись за свои права 120 тыс. сельскохозяйственных рабочих Силезии. Это было крупнейшее выступление сельскохозяйственных рабочих за все послевоенные годы. Обер-президент Силезии социал-демократ Циннер направил против стачечников полицию, а для штрейкбрехерства использовал организацию «Технической помощи». Батраки ответили прекращением всех сезонных работ. Забастовка была задушена профсоюзной бюрократией.

Несмотря на частичные неудачи, революционное пламя разгоралось во всей Германии. 150 тыс. металлистов забастовали в Берлине. Батраки шестидесяти поместий Шлезвиг-Гольштейн прекратили работу. 29 июля 1923 г. по призыву КПГ в Германии был проведен антифашистский день. На демонстрации протеста против фашистской опасности, состоявшейся в этот день, вышли миллионы рабочих. Левому крылу партии, возглавляемому Эрнстом Тельманом, вопреки проискам брандлеровцев удалось превратить «пассивное сопротивление» в активную борьбу, направленную против немецкой и французской буржуазии. Революционный кризис набрал быстрыми темпами.

Правительство Куно бросило все свои силы против революционного рабочего движения. Восьмичасовой рабочий день был отменен, коммунистические газеты были запрещены, провозглашенная Веймарской конституцией свобода собраний и демонстраций фактически была отменена. Одно запрещение следовало за другим.

В таких условиях 11 августа собралась берлинская конференция фабзавкомов. Несмотря на саботаж социал-демократических лидеров, призывавших к бойкоту этой конференции, в ней приняло участие 2 тыс. делегатов. Конференция фабзавкомов решила провести общую трехдневную забастовку со следующими требованиями: немедленный уход в отставку правительства Куно; конфискация всех продовольственных продуктов; немедленное официальное признание пролетарских контрольных комиссий; отмена запрещения пролетарских дружин; установление минимальной почасовой оплаты в размере 60 пфеннигов в золотом исчислении; вовлечение всех безработных в производственный процесс; отмена чрезвычайного положения и запрещения демонстраций; немедленное освобождение всех политических заключенных.

Всеобщая забастовка, начавшаяся по этому призыву, развернулась с такой силой и приобрела такой размах, что потрясла все здание буржуазного господства. Правительство Куно было сметено в первый же день забастовки. Образовалось правительство «большой коалиции», в которое вошли четыре социал-демократа, в том числе и Гильфердинг. Глава нового правительства — Штреземан откровенно заявил, что «правительство сидит

на вулкане» и что «разрешение рурского кризиса будет также и разрешением вопроса, распространится ли мировая революция с востока на Центральную Европу или нет?» Коалиция социал-демократии с реакционными буржуазными партиями означала, что социал-демократические лидеры впряглись в колесницу германского монополистического капитала. Увидев надвигающуюся опасность, буржуазия, как и раньше, призвала на помощь социал-демократов.

14 августа всеобщая забастовка была прекращена. Оппортунисты и предатели из Центрального Комитета КПП — Брандлер, Тальгеймер и др. — не поставили перед ней ясной политической цели и не призвали к образованию рабочего правительства. Пользуясь этим, правительство Штреземана — Гильфердинга немедленно перешло в наступление. Капиталисты потребовали ареста активных участников всеобщей забастовки. Много революционных рабочих было уволено с предприятий. 23 сентября правительство заявило о прекращении «пассивного сопротивления». В обстановке роста революционной активности трудящихся масс германская буржуазия и французская буржуазия договорились между собой. Президент республики социал-демократ Эберт 13 октября издал закон о предоставлении правительству чрезвычайных полномочий. Официально был отменен восьмичасовой рабочий день.

Для подавления революционного рабочего движения буржуазные власти использовали рейхсвер и террористические организации «Феме». Главари рейхсвера были тесно связаны с американскими империалистами. Генерал фон Сект отлично понимал, какую роль предназначают германской военщине американские хозяева. У него был план подавить рабочих с помощью рейхсвера и фашистских банд. Прикрываясь лозунгом «защиты отечества» и пользуясь нуждой трудящихся, монархисты вербовали в свои отряды голодных людей, хорошо оплачивая их. Так, монархист Эрхардт получил в 1923 г. 20 тыс. долларов для подготовки своих ландскнехтов ко «дню икс».

Эта преступная политика поддерживалась социал-демократами. Еще в феврале 1923 г. социал-демократы Эберт и Зеверинг заключили тайное соглашение с генералом фон Сектом, предусматривавшее увеличение рейхсвера. Прежние банды корпуса добровольцев были преобразованы в постоянную военизированную организацию и составили «черный рейхсвер», так как сто тысячная армия рейхсвера, которую разрешено было содержать в Германии по Версальскому договору, оказывалась недостаточной для агрессивных целей.

Буржуазии и ее пособникам противостоял рабочий класс Германии. Он не был одинок в своей революционной борьбе; ему оказывал поддержку международный пролетариат. 6 и 7 января 1923 г. в Эссене состоялась конференция коммунистических партий Европы. В манифесте конференции говорилось: «Рабочие Европы! Коммунистические партии и профессиональные союзы, входящие в Красный Интернационал профсоюзов, открыто и ясно заявляют то, что заявляли не раз: они готовы вместе со всеми рабочими организациями бороться за совместный отпор угрозам и опасности капиталистического наступления и новой мировой войны»¹⁶.

Представители коммунистических партий Германии, Франции, Великобритании, Италии, Бельгии, Голландии и Чехословакии, собравшиеся на этой конференции, протестовали против версальского диктата и ввода французских войск в Рурскую область. Во Франции происходили массовые демонстрации и собрания против оккупации Рура французскими войсками, на которых ярко проявилась тесная дружба между французскими и германскими рабочими. КПП с помощью французских коммунистов издавала газету на французском языке, распространявшуюся среди солдат французских оккупационных войск. Революционная солидарность фран-

¹⁶ «Die Rote Fahne», 9 января 1923 года.

цузских рабочих с рабочими Германии привела буржуазию в такую ярость, что французское военное министерство обвинило французских коммунистов в государственной измене.

Энергичную работу среди французских солдат вел Коммунистический союз молодежи Германии в тесном сотрудничестве с коммунистическими организациями молодежи Франции. По всему промышленному району вплоть до Дюссельдорфа молодежь расклеивала десятки тысяч плакатов, которые призывали французских солдат к солидарности с германскими рабочими. Революционная молодежь обеих стран доказала, что никакие пограничные столбы не могут помешать интернациональной солидарности рабочего класса.

Большую поддержку германским рабочим оказывали трудящиеся Советской страны. Советское правительство решительно протестовало против грабительского похода международного капитала. Рабочие и крестьяне СССР поддерживали немецких рабочих денежными сборами и продуктами. Некоторое представление о размерах этой помощи дают следующие цифры: Всероссийский центральный совет профсоюзов пожертвовал 100 тыс. золотых рублей; горняки Урала отчислили весь заработок за воскресную работу на приисках, что составило 3 фунта золота, или около 50 млн. марок; Всероссийский союз горняков перевел германским рабочим горной и анилиновой промышленности 10 тыс. рублей; рабочие Харьковского автомобильного и паровозостроительного завода отчисляли в пользу германских рабочих 2% своей заработной платы; Центральный комитет союза горняков послал рабочим Германии 160 вагонов зерна. 29 марта 1923 г. германским рабочим было передано 1 400 тонн ржи. Вскоре после этого в Германию прибыли еще два советских парохода с грузом в 2 500 и 6 тыс. тонн.

Сбор отчислений в пользу рабочих Рура проводила организация международной красной помощи — Межрабпом. В Лондоне, Амстердаме, Гааге, Праге, Риме, Варшаве, Париже — повсюду рабочие понимали, за что идет борьба в Германии, и повсюду поддерживали германский пролетариат. По инициативе революционных фабзавкомов во Франкфурте-на-Майне были созваны два международных рабочих конгресса. Международный пролетариат активно поддерживал своих товарищей по классу, зная, что победа германских рабочих была бы их собственной победой.

Перед рабочим классом Германии было только два пути: либо примириться с политикой Штреземана, то есть с возрождением германского империализма и неизбежными при этом лишениями, нищетой, порабощением и войнами, либо бороться за социальное и национальное освобождение, за образование рабоче-крестьянского правительства, за подлинную демократию и мир. Германские рабочие вступили на второй путь. Рабочие не хотели больше жить по-старому.

Более 60% рабочих Германии были частично или полностью безработными. По сравнению с довоенным временем стоимость жизни возросла к 23 августа 1923 г. в 1 548 971 раз. Чтобы достигнуть довоенного уровня почасовой зарплаты в размере 60 пфеннигов, заработная плата должна была бы составлять 929 223 марки в час. Одна поездка в трамвае стоила 100 тыс. марок. На однодневный заработок в 4 марки до войны можно было приобрести такое количество товаров, за которое в середине сентября нужно было бы заплатить 58 миллионов марок, то есть в 14,4 миллиона раз дороже. Но квалифицированный рабочий получал самое большее 126 миллионов марок в неделю, на что мог прожить только два дня. Все исчислялось лишь в долларах. Подлинной мерой стоимости стал доллар. 220 миллионов марок имели ценность одного доллара. Расчет шел на миллиарды и выше. В сентябре 1923 г. кризис достиг своего высшего пункта. Призрак голода постоянно маячил перед трудящимися.

В такой обстановке укреплялась воля рабочих к борьбе. Передовые рабочие требовали вооружения. 27 сентября Эберт объявил чрезвычайное военное положение, и исполнительная власть фактически перешла к Секту и его генералам. В конце сентября монархисты провели парад в Мюнхене. Несколько тысяч бывших военнотружеников «Баварского гвардейского полка» маршировали по городу парадным шагом и при оружии. Бавария была главной опорой монархистов. Их предводитель Кар, известный еще по капповскому путчу, назначил себя генеральным комиссаром Баварии и не обращал внимания на распоряжения из Берлина. Монархистско-фашистские банды организовались и восточно-эльбскими юнкерами. На 1 октября они назначили «день икс». Части «черного рейхсвера» попытались в этот день захватить крепость Кюстрин, однако этот путч был скоро подавлен.

В Рейнской и Рурской областях в последних числах сентября подняли голову сепаратисты, которых особенно рьяно поддерживали французские капиталисты. Во главе сепаратистского движения стояли банкир Хаген, представитель концернов Отто Вольф и тогдашний обер-бургомистр Кельна д-р Аденауэр. Они задумали отколоть Рейнскую и Рурскую области от Германии и образовать «Рейнскую республику». На одной из сепаратистских демонстраций Аденауэр заявил так: «Либо мы прямо присоединимся к Франции в качестве буферного государства либо же станем Западно-Германской республикой — третьего не дано». Сепаратисты решили в последнее воскресенье сентября 1923 г. в Дюссельдорфе организовать манифестацию на Рейнских лугах и провозгласить «Рейнскую республику».

Коммунисты вступили в переговоры с местными властями, в частности магистратом Кельна и обер-бургомистром Дюссельдорфа, чтобы помешать перевозке сепаратистов из Рейнской области в Дюссельдорф, а также провести мощные демонстрации протеста против действий сепаратистов. Но обер-бургомистр Дюссельдорфа, поддержанный всеми буржуазными фракциями, высказался против активного сопротивления. Буржуазные партии решили призвать население оставаться в воскресенье по домам и предоставить сепаратистов «самим себе». В своих воззваниях они заявили, что это сентябрьское воскресенье должно пройти в «мертвой тишине». Социал-демократические и профсоюзные руководители также ничего не предприняли для отпора сепаратистам.

Тогда организация КПГ под руководством Вальтера Штеккера взяла на себя организацию отпора сепаратистским проидам. Со всей Рурской области в Дюссельдорф были стянуты мелкие вооруженные ударные отряды, чтобы помешать провозглашению «Рейнской республики». Когда в 2 часа дня сепаратисты собрались на Рейнских лугах и должна была начаться их манифестация, несколько ударных групп выступили против них. Этого оказалось достаточно, чтобы вся сепаратистская банда в полном беспорядке и панике очистила Рейнские луга и вернулась в город. О манифестации или о провозглашении «Рейнской республики» не могло быть и речи. В городе стычки рабочих с полицией и оккупационными частями продолжались до позднего вечера. В Кельне рабочие отряды действовали под руководством партийной организации, возглавляемой Вильгельмом Флорином; они перерезали в нескольких местах железнодорожную линию южнее и севернее Кельна, так что все специальные поезда с сепаратистами, направлявшиеся с юга Рейнской области и из Саара в Дюссельдорф, застревали в Кельне.

Несмотря на призыв буржуазных партий превратить воскресенье в Дюссельдорфе в «мертвое», на улицы города вышли огромные массы рабочих не только Дюссельдорфа, но и близлежащих промышленных городов. Рабочие добирались до Дюссельдорфа большей частью пешком, так как железная дорога в тот день была для них недоступна.

После этой неудачи сепаратисты попытались с помощью французских и бельгийских штыков провозгласить «Рейнскую республику» в Аахене,

Майнце, Висбадене и других городах. В конце октября они образовали «Временное правительство Рейнской республики». О том, как хозяйничали сепаратисты, рассказал позднее в газете священник Юнкерсфельд: «Село Хефель было наводнено сепаратистами. Окна и двери в домах были выбиты, женщинам и детям угрожали огнестрельным оружием. Сепаратисты грабили, забирали золотые и серебряные вещи, лучшую одежду, угнали в качестве заложников троих стариков. Вскоре вся деревня представляла собой картину опустошения»¹⁷.

Благодаря мужественной борьбе населения выступление сепаратистов потерпело неудачу. Предательство нации было предотвращено сплоченным выступлением рабочего класса, руководимого коммунистической партией. В газете «Kölnische Volkszeitung» в статье под знаменательным заголовком «Ясно выраженная воля» один из депутатов от партии центра писал: «Единой волей всего населения от правых до крайних левых теперь навсегда покончено с натиском темных элементов — пособников сепаратистов. В Мюнхене-Гладбахе коммунисты шли в первых рядах освободителей ратуши. Однако если в ближайшие недели не удастся обеспечить работу, хлеб и деньги, то легко может случиться, что эти же и другие коммунисты снова явятся в ратушу, но уже не затем, чтобы ее освободить, а чтобы в ней распорядиться. Нам угрожают голодные волнения. Безумный эксперимент сепаратистов не только не задержал этого развития, но еще ускорил его. Будем начеку, чтобы набегающая волна не сбросила нас в пропасть».

★

Осенью 1923 г. обстановка в Германии достигла крайнего напряжения. «С момента падения правительства Куно, — отмечал Эрнст Тельман, — искра гражданской войны пронеслась по Германии. Уже до этого в Руре, Ганновере, Верхней Силезии, Баварии и других районах Германии происходили вооруженные столкновения. Теперь же с каждой минутой становилось яснее, что мирное решение больше невозможно. Беспощадная насильственная борьба между двумя классами становилась неизбежной. Забастовки переходили в столкновения, демонстрации — в кровавые стычки рабочих с полицией в десятках германских городов»¹⁸. Налицо была непосредственно революционная ситуация. Дело шло к вооруженному восстанию.

В октябре 1923 г. в Германии были налицо объективные предпосылки для завоевания власти рабочим классом. Характеризуя революционную ситуацию в Германии осенью 1923 г., И. В. Сталин писал: «...Обстановка в Германии меняется круто в сторону обострения революционного кризиса. Пуанкарэ предпринимает военное наступление на Германию; финансовый кризис в Германии принимает катастрофический характер; в недрах германского правительства начинается развал и министерская чехарда; волна революции поднимается, взрывая социал-демократию; начинается массовая перебежка рабочих от социал-демократии к коммунистам; вопрос о взятии власти коммунистами становится на очередь дня»¹⁹.

В этих условиях перед КПГ стояла историческая задача — повести массы на борьбу за революционный выход из кризиса, добиться единства действий, завоевать на свою сторону большинство рабочего класса и широкие массы трудящихся крестьян, организовать вооружение боевых дружин, подготовить восстание для свержения буржуазной власти и создания рабоче-крестьянского правительства. Центральный Комитет КПГ образовал постоянный военный совет, во главе которого был поставлен Эрнст

¹⁷ «Essener Allgemeine Zeitung», 2 января 1929 года.

¹⁸ «Die Rote Fahne», 23 октября 1925 года.

¹⁹ И. В. Сталин. Соч. Т. 10, стр. 62—63.

Шнеллер. Военный совет КПГ организовал вооружение пролетарских боевых дружин. Из Зуля, Пирны, Хемница и Потсдама доставлялось оружие. Несколько партий оружия, предназначавшегося реакционерами для своих разбойничьих банд, рабочие Зуля сумели переправить на распределительные пункты КПГ. Часть оружия была закуплена. Вооружению рабочих помогали некоторые солдаты стоявших в Потсдаме полков. На товарной станции в Хемнице железнодорожники обнаружили большой склад, набитый ящиками с оружием и боеприпасами, приготовленными для сепаратистов. Это оружие было переправлено пролетарским дружинам. В чемоданах коммунисты перевозили взрывчатку из одного склада в Берлин-Шарлоттенбурге к важнейшим железнодорожным узлам в Средней Германии. В Гамбурге моряки и портовые рабочие вооружались под руководством Эрнста Тельмана.

Но при этом имело место серьезное упущение: вооружение пролетарских дружин рассматривалось как дело одной конспиративной группы. Перед рабочими, состоявшими в боевых дружинах, не была поставлена задача самим добывать себе оружие. Военный совет сосредоточил свою деятельность главным образом на доставке оружия, на вопросах железнодорожного сообщения и т. п. Боевой план совета предусматривал проведение восстания только в Средней Германии; в Саксонии и Тюрингии предполагалось ограничиться лишь приостановкой железнодорожного сообщения. В качестве опорного пункта восстания рассматривался Гамбург, но недооценивалось значение Рурской области и Берлина.

В Саксонии и Тюрингии были налицо объективные предпосылки для победы рабочего класса. В Саксонии было сосредоточено более трети всех боевых дружин. Своими сплоченными действиями рабочие добились там некоторых уступок. В Саксонии было создано «рабочее правительство», состоящее из коалиции левых социал-демократов и коммунистов. Подобное же коалиционное правительство было создано в Тюрингии. Однако министры-коммунисты не вели подлинно революционной политики. Они извращали линию Коммунистического Интернационала в вопросе о едином фронте, не мобилизовали на революционную борьбу массы рабочего класса, не приняли мер для вооружения пролетариата и разоружения буржуазии, не взяли на себя контроль над производством.

Еще в конце августа 1923 г. окружная партийная конференция Приморской области, руководимая Эрнстом Тельманом, потребовала от Центрального Комитета партии дать указания о непосредственной подготовке к вооруженной борьбе за политическую власть. Но, отвергая это требование, Брандлер тогда нагло угрожал Эрнсту Тельману. Он писал: «Если вы немедленно не прекратите разговор о диктатуре, вы будете исключены из рядов партии»²⁰.

Брандлер и Тальгеймер стремились навязать партии свою оппортунистическую политику. Брандлеровская группа не составляла большинства в Центральном Комитете. Но вследствие примиренческой позиции одних членов ЦК и недостаточной опытности других, ей удавалось протаскивать свою вредительскую линию. Члены ЦК КПГ, вошедшие в саксонское правительство, превратились в обычных буржуазных министров. Они заявляли, что «несут ответственность исключительно только перед ландтагом и конституцией».

В своей речи на VII Всемирном Конгрессе Коммунистического Интернационала Г. М. Димитров отмечал, что вступление коммунистов в саксонское правительство вместе с левыми социал-демократами (группа Цейгнера) само по себе не было ошибкой; напротив, революционная ситуация в Германии полностью оправдывала этот шаг. Но, участвуя в правительстве, они не использовали свои позиции, чтобы вооружить пролетариат и добиться его победы. Они даже не реквизируют ни одной из

²⁰ «Protokoll des V. Weltkongresses der Kommunistischen Internationale». Bd. I.

квартир богачей, хотя рабочие испытывали крайнюю жилищную нужду. «В итоге вышло такое банкротство, что мы и сейчас еще вынуждены ссылаться на саксонское правительство как на классический пример того, как революционерам не следует вести себя в правительстве»²¹.

В. И. Ленин призывал коммунистические партии сосредоточить все свое внимание на отыскании формы перехода или подхода к пролетарской революции. Основная ошибка товарищей из Центрального Комитета КПГ, не принадлежавших к группе Брандлера, заключалась в том, что они не поняли этого ленинского положения, не сумели применить его на практике.

Своей оппортунистической линией министры-коммунисты парализовали революционное движение, задержали решающие выступления, и имперское правительство легко расправилось с «рабочими правительствами» в Саксонии и Тюрингии. 21 октября войска рейхсвера, не встречая сопротивления, вступили в Лейпциг. Генерал Мюллер заранее стянул части рейхсвера и полиции, чтобы занять стратегически важные пункты в Саксонии.

Лишь после того, как войска генерала Мюллера вошли в Лейпциг, в Хемнице была созвана конференция фабзавкомов. Большинство делегатов требовало объявления всеобщей забастовки, как сигнала к началу борьбы. «Левые» социал-демократические лидеры, напротив, требовали, чтобы вопрос о всеобщей забастовке был снят с повестки дня, угрожая иначе уйти с конференции. Предатель Брандлер присоединился к этим лидерам. Имея за собой большинство, коммунисты не повели фабзавкомы по единственно правильному, революционному пути.

В то время как клика Брандлера вела соглашательскую политику и позорно капитулировала перед врагом, гамбургские коммунисты, возглавляемые Э. Тельманом, повели рабочих на вооруженную борьбу против буржуазии. Организация коммунистической партии в Гамбурге насчитывала 18 тыс. членов. Кадры гамбургской коммунистической организации были воспитаны Эрнстом Тельманом в духе верности марксизму-ленинизму и непримиримости в борьбе против всех уклонов. В Гамбурге выросла боевая организация, которая как в политическом, так и в военном отношении была способна возглавить восстание.

20 октября 1923 г. в Гамбурге произошли многочисленные демонстрации, сопровождавшиеся стычками между полицией и рабочими. В ходе этих событий обнаружилось, что и многие мелкие буржуа, а в некоторых случаях даже полицейские, сочувствуют рабочим. Узнав о том, что части рейхсвера вступили в Саксонию, рабочие порта и верфей немедленно прекратили работу. В ночь с 22 на 23 октября в городе было распространено воззвание Всегерманского комитета фабзавкомов. Комитет призывал рабочий класс Германии ко всеобщей забастовке и восстанию против военной диктатуры. В воззвании подчеркивалось, что всякое промедление смерти подобно и что борьбу следует начать одновременно во всей стране, так как изолированная борьба рабочих Средней Германии может привести к поражению. «Решающий час настал, — говорилось в воззвании — одно из двух: либо трудящийся народ спасет Среднюю Германию, превратит Германию в рабоче-крестьянскую республику, которая заключит союз с Советским Союзом, либо же наступит страшное бедствие».

В ответ на этот призыв рабочие большинства заводов бросили работу и вышли на улицу. По всему Гамбургу происходили массовые рабочие демонстрации. Напряженное положение создалось в рабочем районе Гамбурга — Бармбеке. Все ждали только сигнала к выступлению. На главных улицах до поздней ночи собирались большие толпы народа. По-

²¹ Г. Димитров. В борьбе за единый фронт против фашизма и войны. Огиз. Госполитиздат. 1939, стр. 51.

лиция была бессильна. Ее попытки разогнать рабочих силой потерпели неудачу благодаря организованности и сплоченности демонстрантов.

Гамбургская партийная организация создала у себя вооруженную организацию по охране порядка, которая стала военным ядром пролетарских дружин. Члены этих дружин учились обращаться с оружием и вести уличные бои. Комитет КПГ Приморского округа назначил восстание на 5 час. утра 23 октября. Было принято решение начать с объявления железнодорожной забастовки, чтобы помешать перевозкам войск в Саксонию. Как рассказывает один из участников событий, план восстания в основном сводился к следующему: а) восстание начинается внезапным выступлением вооруженных рабочих отрядов в рабочих кварталах города, причем в первую очередь необходимо захватить склады оружия; б) производится разоружение полиции и фашистов в рабочих предместьях; в) одновременно собираются вооруженные рабочие отряды, прикрываемые массовыми рабочими демонстрациями, и идут из предместий к центру города, оттесняя полицию и фашистов на юг (к реке, переправы через которую заблаговременно должны быть заняты рабочими), они разоружают врага; г) почтовые и телеграфные учреждения, важнейшие вокзалы городских железных дорог и дальнего следования, аэродромы и другие важнейшие объекты захватываются рабочими отрядами, находящимися в пригородах, еще до того, как отряды из предместий пойдут в центр города; д) местным организациям близлежащих рабочих поселков поручается организовать нападения на противника из засад и разрушение дорог в радиусе 25 километров. Организации Гарбурга, Вильгельмсбурга, Ютерзена и Штаде должны добиться остановки паромного сообщения по Эльбе.

В ходе восстания решающее значение имели бои в рабочем предместье Бармбек. Ими непосредственно руководил Э. Тельман. Так как у рабочих было здесь только 19 винтовок и 27 револьверов, нужно было прежде всего вооружить их. По плану, выработанному Э. Тельманом, намечалось напасть на полицейские участки. Отдельные боевые группы, располагавшие каждой одной винтовкой и двумя револьверами, должны были подойти вплотную к своим объектам. После разоружения полицейских участков следовало захватить казарму в Вандсбеке, занятую 600 полицейскими и располагавшую шестью броневиками. На рассвете 23 октября боевые группы разоружили 17 полицейских участков. В результате неожиданного нападения рабочие приобрели значительные трофеи: 170 винтовок и много боеприпасов. Из-за неумения и недисциплинированного поведения руководителей соответствующих боевых групп три участка не были разоружены. Штурм казармы в Вандсбеке не удалось осуществить, так как в казармах была объявлена тревога и часовые получили подкрепление.

Одновременно с разоружением полицейских участков, часть работников была направлена на городские вокзалы, предприятия и верфи, чтобы вовлечь их рабочих в активную борьбу. Весь городской транспорт прекратил работу. Рабочие демонстрации прошли по всему Гамбургу. В 7 часов Э. Тельман отдал приказ о сооружении баррикад, немедленно подхваченный рабочими. В этом деле приняла участие большая часть трудящегося населения, особенно женщины. Решительно боролись против врага девушки и юноши из Коммунистического союза молодежи. Они были связными между баррикадами и снабжали бойцов боеприпасами. Во главе этих бойцов стоял Вилли Бредель. С невиданным мужеством плечом к плечу сражались в Гамбурге рабочие — члены КПГ, СПГ и беспартийные. Они умело использовали то небольшое количество оружия, которым располагали. Боевые группы расположились на крышах домов и в квартирах. Благодаря этому им удавалось при небольшом количестве оружия держать под огнем всю улицу. Полиция обратила главное

свое внимание на баррикады, предполагая, что именно там сосредоточена основная масса повстанцев, тогда как в действительности там находилась лишь небольшая их часть.

Боевые группы предпринимали внезапные вылазки против вражеских отрядов. Эти вылазки играли важную роль в гамбургских боях. Борьба в Бармбеке оставалась, однако, изолированной; рабочие других районов Гамбурга были дезориентированы заявлением предателя Урбанса о том, что «бой откладывается».

В ночь с 23 на 24 октября крупных боевых действий не было. Несмотря на многочисленные приказы, офицерам не удавалось понудить полицейских к переходу в наступление. Опыт предыдущих боев показал, что полиция даже с помощью бронемашин не в состоянии взять баррикады. Благодаря смелым действиям рядового повстанца одна бронемашина была выведена из строя. В другом случае рабочим удалось на некоторое время вывести из строя два броневика.

Несмотря на предательскую директиву Урбанса о прекращении борьбы, рабочие Гамбурга продолжали бастовать. Они вышли на демонстрацию и прогнали оппортунистических профсоюзных лидеров из здания профсоюзов. На второй день боев полиция получила подкрепления. В город прибыли 500 полицейских из Любека, крейсер «Гамбург» и два миноносца. Чтобы поддержать реакционные банды, над Бармбеком кружили самолеты. Однако высаженный с крейсера отряд матросов отказался участвовать в боях против рабочих.

Примерно 6 тыс. полицейских и солдат с тяжелым вооружением пытались штурмовать Бармбек. Но 300 отважных рабочих, несмотря на крайний недостаток боеприпасов, оказывали реакционным бандам упорное сопротивление. Три дня и три ночи рабочие Бармбека вели героическую вооруженную борьбу. Восстание было организовано прекращено лишь тогда, когда выяснилось, что в результате предательства клики Брандлера бои в Гамбурге оказались изолированными. Вооруженные боевые отряды гамбургского пролетариата, сохраняя образцовую дисциплину, отступили. Э. Тельман перешел на нелегальное положение, продолжая вести свою революционную работу в Гамбурге.

Гамбургское восстание имело огромное значение. Оно показало готовность германских рабочих под руководством КПГ бороться за освобождение трудового народа. Гамбургские повстанцы доказали, что при правильном военном и политическом руководстве рабочие могут успешно сдолеть превосходящего своей численностью и вооружением противника. Германское рабочее движение вправе гордиться гамбургским восстанием.

Один из очевидцев боев писал впоследствии: «Никогда и нигде я не наблюдал такого сочувственного отношения населения к борющимся товарищам, как в этот раз. Нечего говорить о рабочих; даже обыватель, мелкий лавочник, чиновник, люди свободных профессий — все отнеслись с явным сочувствием к героям, залегавшим в окопах за баррикадами. Они кормили бойцов, сообщали им всякого рода сведения о передвижении неприятеля. Мелкая лавочница с опасностью для жизни пробиралась через военную зону, приносит 120 патронов и передает их знакомому коммунисту. Беспартийные женщины были главными строительницами баррикад; это они подпиливали вековые деревья, разрушали мостовые, рыли окопы и доставали инструменты для всех этих работ.

Я лично в эти дни много ходил по городу, чтобы прислушиваться к разговорам, к летучим митингам, и нигде, ни в одном случае не слышал ни одного слова упрека по адресу коммунистов. Напротив, я много раз слышал, как, захлебываясь от восторга, рассказывали о геройстве «этих молодых людей». Я подходил к кучкам прилично одетых людей, но и здесь говорилось: «Разве можно этих людей осуждать?»²²

²² «Правда», 7 ноября 1923 года.

Через два года, 23 октября 1925 г., Э. Тельман в статье, опубликованной в газете «Die Rote Fahne», подытожил уроки гамбургского восстания. Он писал:

«1. Численно небольшая группа пролетариев, с великим героизмом боровшихся за установление диктатуры пролетариата, смогла с успехом противостоять прекрасно организованным и вооруженным войскам буржуазии, в двадцать раз превосходившим их своей численностью.

2. Бессмертная слава октябрьских гамбургских борцов состоит в том, что в условиях революционной ситуации они взялись за оружие, хотя 99% шансов на победу вовсе не были для них обеспечены. Ленинизм учит, что борьбу нужно принимать, если есть серьезные шансы на победу. Гарантий победы никогда заранее не бывает. Поражение в такой борьбе в тысячу раз плодотворнее и ценнее для будущего классовой борьбы, чем отступление без боя.

3. Восстание закончилось поражением, так как оно оказалось изолированным, не получило поддержки в Саксонии и по всей стране. Пусть рабочие в том или ином отдельном пункте поведут борьбу с величайшим героизмом и при поддержке самого мощного массового движения, они будут разбиты, если пролетариат всей страны не идет вместе с ними. Роль коммунистической партии как авангарда пролетариата состоит именно в том, чтобы организовать и повести за собой весь рабочий класс во всех отраслях промышленности и крупных городах, во всей стране. Именно поэтому нам нужна железная, наиболее сплоченная, спаянная в одно целое, безусловно дисциплинированная партия.

4. Неправда, что гамбургское восстание было путчем; оно пользовалось поддержкой широчайших масс. Даже полицейский сенатор Хензе должен был в ярости признать, что социал-демократические рабочие в Гамбурге, в этой самой правотой организации СПГ, а с ними и «самые широкие слои населения, помогли коммунистам». Наша слабость состояла лишь в том, что мы не сумели прочно сплотить вокруг себя эти массы, во-время привлечь их к себе во всех боевых схватках, заключить с ними единый фронт против социал-демократических лидеров.

5. Для того, чтобы победить в боях, которые неизбежно повторятся вслед за Гамбургом в гораздо более крупном масштабе, мы должны, подобно клину, глубоко проникнуть в массы, соединить их с собой тысячами нитей, создать подлинный пролетарский единый фронт с миллионами рабочих. В профсоюзах, во всех непартийных организациях рабочего класса должно вырасти большое революционное крыло, которое вместе с коммунистами будет носителем грядущих боев.

6. Особенно крупным недостатком гамбургского восстания было отсутствие сильного советского движения... Советы — это органы, которые в революционной ситуации охватывают миллионные массы пролетариата, образуют костяк борьбы. Этот урок мы также не вправе забывать в нынешний период между двумя революциями.

7. Захват пролетариатом власти не есть единовременный акт... Он должен быть подготовлен многолетней работой коммунистической партии и всего пролетариата. Грядущие победы над буржуазией должны быть взращены, подготовлены, организованы в ходе бесчисленных схваток с врагом. В этом наша главная задача на ближайший период.

8. Неправильно считать, что в результате октябрьского поражения 1923 г. была навсегда «упущена» неповторимая революционная ситуация. Великий результат гамбургского восстания в том, что на протяжении трех суток рабочие видели своего классового врага, по внешности непобедимого, во всей его слабости. В гамбургские дни рабочие увидели буржуазию на краю гибели. И они никогда этого не забудут!

9. Восстание было образцом хорошо слаженной организации революционной борьбы. Но в ней проявилась крупная организационная ошибка нашей партии. Гамбургские бойцы пользовались огромными сим-

патиями со стороны рабочих на предприятиях, но не имели с ними никакой организационной связи. Обнаружилась полная непригодность, роковая отсталость нашего старого социал-демократического принципа построения партийных организаций по месту жительства. Избирательная машина не годится для баррикадной борьбы! Самым большим недостатком было отсутствие коммунистических ячеек на предприятиях. Отряд борцов, подобных гамбургскому, опирающийся на пустившие глубокие корни на всех предприятиях ячейки и на объединение самых широких масс рабочих, в грядущем в подобной ситуации будет непобедим.

10. Величайшим, ценнейшим уроком гамбургского восстания является выполнение коммунистической партией ее роли в пролетарской революции. Коммунисты не на словах, а на деле были авангардом, руководящей силой, вожаками рабочего класса. Они дали движению ясно обрисованную цель, точно сформулированную программу... Партия твердо держала в своих руках руководство борьбой»²³.

Уроки гамбургского восстания укрепили у германских коммунистов сознание, что рабочий класс может выполнить свою историческую задачу лишь в том случае, если его ведет революционная партия, которая руководствуется теорией марксизма-ленинизма и умеет ее применять. КПГ выдвинула в качестве важнейшей задачи овладение научной теорией марксизма-ленинизма и глубокое изучение опыта Коммунистической партии Советского Союза. Опыт борьбы показал, что центр тяжести партийной работы должен быть перенесен на предприятия, что партия должна глубже проникнуть в массы.

★
После поражения восстания последовала кровавая расправа реакции с революционерами. Тысячи рабочих были приговорены реакционной судебной машиной ко многим годам тюрьмы и крепости. По всей стране начался террор.

По распоряжению президента республики социал-демократа Эберта 30 октября в Саксонии, а 2 ноября в Тюрингии «рабочие правительства» были разогнаны. Всюду, куда вступал рейхсвер, начинались аресты революционных рабочих и кровавый террор. Рабочие пытались оказать сопротивление, но их выступления были подавлены ввиду превосходства сил на стороне военщины.

При вступлении рейхсвера в Саксонию Цейгнер для проформы выпустил призыв к всеобщей забастовке, отнюдь не имея ее в виду всерьез. Позднее он открыто признал, что вхождение коммунистов в правительство успокоило рабочих, что позволило выиграть время для того, чтобы предотвратить революцию. В то время как рабочие в Гамбурге боролись, правые социал-демократические лидеры вели переговоры с хозяевами концернов. Такие переговоры имели место, в частности, 24 и 25 октября в Хагене. Штреземан был руководителем и «ангелом-хранителем» коалиции представителей германской индустрии и социал-демократии.

Победе германской реакции в 1923 г. способствовало также предательство Брандлера и его клики. В 1938 г. на суде по делу троцкистской банды было установлено, что Брандлер еще с весны 1923 г. являлся платным агентом министерства рейхсвера.

Но, несмотря на понесенное поражение, германский пролетариат продолжал борьбу. Извлекая уроки из опыта классовой борьбы пролетариата, овладевая марксистско-ленинской теорией, Коммунистическая партия Германии под руководством Эрнста Тельмана развивалась в марксистско-ленинскую боевую партию и вела рабочий класс Германии навстречу новым боям за социализм.

²³ «Die Rote Fahne», 23 октября 1925 года.